

УДК 811

Макурова Сусанна Рашидовна

кандидат филологических наук, доцент, заведующая
кафедрой английской филологии Адыгейского
государственного университета
editor@hist-edu.ru

**«ЛИНГВИСТИКА» – «ГРАММАТИКА» –
«ЛИНГВИСТИКА (ГРАММАТИКА) ТЕКСТА»:
СОДЕРЖАНИЕ И КОРРЕЛЯЦИЯ ПОНЯТИЙ**

В статье анализируется взаимозависимость и взаимообусловленность лексики и грамматики. Грамматика рассматривается шире, включая лексикологию, морфологию и синтаксис. Связь смысла и среды определяет динамичный характер, в том числе и грамматического значения. Грамматика когнитивна, и выбор той или иной грамматической формы когнитивно обусловлен. Рассмотрение грамматики «на фоне текста» значимо в теории интерпретации текста в аспекте «приращения» смысла.

Ключевые слова: грамматика, грамматика текста, грамматическая форма, грамматическое значение, среда, импликация.

Makerova Susanna Rashchidovna

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of English Philology of
Adyghe State University
editor@hist-edu.ru

**"LINGUISTICS" – "GRAMMAR" –
"LINGUISTICS (GRAMMAR) OF
DISCOURSE":
CONTENT AND CORRELATION OF
NOTIONS**

The article analyzes the problem of lexis and grammar correlation. Grammar is considered as a broader science comprising lexicology, morphology and syntax. The correlation between content and context determines the dynamic character of meaning as well as grammatical meaning. Grammar is cognitive and the choice of this or that grammatical form is specified by cognition. The analysis of grammar on the textual level is prominent in the theory of text interpretation as a means of adhering implicit meaning.

Key words: grammar, grammar of discourse, grammatical form, grammatical meaning, context, implication.

Известно, что понятия «лингвистика» и «грамматика» во многих теориях языка используются как полные синонимы. Грамматика есть не что иное, как «структурированный инвентарь конвенциональных языковых знаков» [1, с. 57]. Ср. также замечание Р. Мюнха о том, что грамматика – это страна без границ с обширными еще не изученными областями, всегда открытая для новых находок и исследований; эта наука обладает почтенным возрастом, благородным происхождением и сегодня еще достойна усердных трудов [2, с. 133-141].

В учебных текстах наиболее обычное понимание грамматики состоит в том, что она последовательно противопоставляется лексике и состоит из двух разделов – морфологии (куда включаются морфемика и словообразование) и синтаксиса. О правомерности расширительного понимания грамматики (при котором «грамматика» = «лингвистика»), о «грамматическом статусе лексикологии» пишет В.П. Даниленко [3, с. 68-78; 4, с. 28-35], который в своих построениях опирается на классические труды: о лексикологии «как отдельной ветви грамматики» говорил Бодуэн де Куртене [5, с. 396], а Ф. де Соссюр обосновывал необходимость включения лексикологии в грамматику материалом супплетивных способов выражения грамматических категорий в разных языках и считал, что лексикология естественным образом волеется в грамматику, если последняя будет члениться на два раздела – теорию ассоциаций и теорию синтагм [6, с. 169].

Как известно, В. Матезиус и Л. Вайсгербер на практике ввели лексикологию в свои грамматики. Вслед за В. Матезиусом, В.П. Даниленко [3; 4] обосновывает, исходя из речевой деятельности говорящего, такое понимание дисциплинарной структуры грамматики: грамматика делится на словообразование (исследующее вопросы, связанные с созданием новых слов) и фразообразование, в состав которого в свою очередь включаются лексикология, морфология и синтаксис. Первая из этих дисциплин направлена на изучение лексического периода фразообразования, состоящего в отборе лексем для создаваемого предложения. Морфология исследует проблемы, связанные с новым периодом фразообразования, в процессе которого осуществляется перевод лексических форм слова (лексем), отобранных говорящим в первый период фразообразования, в его морфологические формы. Синтаксис же изучает заключительный период фразообразования, результатом которого является готовое предложение. Таким образом, оказывается, что в дисциплинарной структуре грамматики лексикология получает вполне «органическое место»: она связана с тем периодом в деятельности говорящего, когда он лишь от-

бирает слова для создаваемого предложения (в грамматически исходной форме); «пропущенное через горнило морфологизации и синтаксизации», создаваемое предложение затем получает свое окончательное формирование.

Положения В.П. Даниленко противостоят известной «метафоре ящика» (box metaphor): лексика и грамматика представляются в виде двух ящиков, а процесс перехода в одну или другую сторону – в виде «перекладывания» вещей из одного ящика в другой. Такое представление создает иллюзию о том, что можно провести строгую границу между лексикой и грамматикой, разделив их по разным ящикам.

Итак, В.П. Даниленко опирается на объективно существующую тесную, органическую связь лексики и грамматики. Недаром многие морфологические категории в традиционных грамматических описаниях называются лексико-грамматическими (именно такая характеристика дается категории числа во многих грамматических описаниях; ср. также общепризнанное понимание частей речи как лексико-грамматических классов слов, а также группировок внутри частей речи – способы глагольного действия, конкретные и абстрактные имена и т.п.).

Широкое признание многообразных связей между словарем и грамматикой, которые сходны и в способах концептуализации мира. В языке подробно разрабатываются те лексические пласты, которые наиболее актуальны для жизни, быта носителей языка; ср. хрестоматийные примеры богатой синонимии, связанной со снегом, в языках северных народов или детализация обозначений пустыни в арабском. И на уровне грамматики кодируются только те смыслы, которые представляются наиболее значимыми в национальной языковой картине мира. Но это сходство нисколько не препятствует разграничению различных языковых уровней – лексического и грамматического.

В концепциях, где грамматика членится на морфологию и синтаксис, основная задача морфологии видится в формулировании регулярных правил, в соответствии с которыми можно было бы образовать парадигмальный ряд для любой лексемы. Однако использование форм той или иной словоизменяющей категории и ее роль в семантической интерпретации высказывания уже может быть рассмотрена как компетенция синтаксиса. При таком подходе оказывается, что морфология – это чисто формальная часть грамматики, представляющая «инвентарь» для синтаксиса. Ф. де Соссюр писал: «Отделяя морфологию от синтаксиса, ссылаются на то, что объектом этого последнего являются присущие языковым единицам функции, тогда как морфология рассматривает только форму... Но это различие – обманчиво... формы и функции образуют целое, и затруднительно, чтобы не сказать невозможно, их разъединить. С лингвистической точки зрения у морфологии нет своего реального и самостоятельного объекта изучения: она не может составить отличной от синтаксиса дисциплины» [6, с. 130]. Однако В.В. Виноградов, активно возражая против включения лексикологии в грамматику, не отстаивает самостоятельности морфологии: сочувственно процитировав мысли Ф. де Соссюра и С.Д. Кацнельсона о «сведении» морфологии к синтаксису, он не приводит никаких доводов в защиту самостоятельности морфологии [7, с. 10]. Характерно, что свой главный труд по морфологии он назвал без использования этого термина: «Русский язык. Грамматическое учение о слове».

Теоретической морфологии долго пришлось доказывать свое право на существование как самостоятельной дисциплины, и сегодня эту самостоятельность признают многие ведущие грамматисты. Крупный лингвист-теоретик современности Р. Диксон в своем последнем обобщающем труде [8] отстаивает жесткое разделение грамматики и лексикона: провозглашенное в первой главе первого тома, это противопоставление последовательно осуществляется во всех остальных частях. Любая морфема любого языка интерпретируется Диксоном либо как грамматическая, либо как лексическая, причем случаи промежуточного, синкретичного характера не рассматриваются. В концепции одного из ведущих специалистов в области морфологии и общей теории языка, новозеландского лингвиста Эндрю Карстейрса-Маккарти [8] различие морфологии и синтаксиса выступает как принципиальное. В то время как среди англоязычных трудов распространены взгляды, согласно которым морфология сводится к синтаксису, морфологические феномены вполне могут быть распределены между лексикой и синтаксисом, он последовательно отстаивает самостоятельность морфологии (не отрицая, естественно, ее теснейших связей с синтаксисом и словарем); ср. содержание второй главы “Why there is morphology: traditional accounts” в [8].

Если морфологию понимать просто как учение о формах (в отрыве от их семантического

наполнения и особенностей выбора на оси селекции), то, действительно, можно говорить о полной исчерпанности собственно морфологической проблематики: самые полные списки парадигм со всеми формальными модификациями давно стали достоянием грамматик и грамматических словарей. Однако, когнитивно-ориентированная морфология исходит из того предположения, что выбор формы обуславливаются особенностями человеческого интеллекта и коммуникации, то есть когнитивной способностью человека: «... исчерпывающее описание языка не может быть дано без полного описания человеческой когниции» [1, с. 63], и это в полной мере справедливо по отношению такому разделу языкознания, как морфология. В.А. Плуныгин [9, с. 78] справедливо называет важнейшим свойством грамматического значения «когнитивную выделенность», которая в свою очередь предопределяет такое основополагающее качество грамматического значения, как облигаторность.

Задача создания когнитивной морфологии только поставлена, и есть лишь первые приближительные результаты на этом пути. В самом деле, если использование видовых форм никогда не вызывает речевых затруднений у носителей русского языка (*я буду приходить к вам завтра в 6 часов* – это заведомо речь иностранца; ср. в к/ф «Полосатый рейс»: *Где есть тигр? Я его буду укротить!*), то объяснение семантического содержания видового противопоставления связано с огромными трудностями. Каждый преподаватель русского языка как иностранного испытывал беспомощность при объяснении семантического содержания форм совершенного вида будущего времени.

Многие трудности славянской аспектологии оказываются преодолимыми с учетом не более широкого (синтаксического) контекста, а контекста ситуации. Выбор форм вида в императиве традиционно пытались связывать с вежливостью. Известный итальянский славист Розанна Бенаккьо приводит прямо противоположные высказывания: одни считают более вежливыми императивы несовершенного вида, другое – совершенного [10, с. 14-15, с. 66-68]. Убедительно разъясняются подобные факты в трудах Е.В. Падучевой, которая указала компоненты значения несовершенного и совершенного видов в императиве, среди которых – компонент обусловленности действия контекстом или ситуацией. *Садитесь* – говорят в ситуации, когда это сказать естественно (преподаватель – студентам, хозяин – гостю); *Сядьте* – скорее скажут в ситуации, когда человек не собирался садиться. В сцене из к/ф «Семнадцать мгновений весны» Мюллер три раза произносит форму совершенного вида *Сядьте*, обращаясь к Штирлицу, который торопится на встречу с Борманом и задерживаться не собирается. Форму *Садитесь* в этой сцене представить невозможно.

Обусловленность ситуацией предопределяет вежливое или невежливое звучание императива: употребление несовершенного вида там, где ожидается совершенный вид, делает высказывание невежливым, ибо представляет ситуацию так, будто адресат обязан выполнить действие.

Но даже такая, на первый взгляд «ясная и прозрачная» категория, как число, тоже не исчерпывается парадигмальными списками, поскольку нет единого правила, которое помогло бы во всех случаях использования числовых форм. Простые и правильные оппозиции (единственное число – один предмет, множественное число – много предметов) исчерпывают противопоставления категории числа лишь на самом обыденном уровне. Существительное *край* имеет коррелятивные формы числа, но выбор одной из форм диктуется отнюдь не денотативной соотношенностью. В случае *идти по краю поля* может быть только единственное число, а в случае *по краям поля росли деревья* возможно только множественное число слова *край*. Для объяснения таких языковых фактов введено понятие наблюдателя. В самом деле, во втором случае представлен обзор «с высоты птичьего полета», и уместна только форма множественного числа. Это же понятие наблюдателя имеет объяснительную силу и в случае выбора аспектной формы: *тропинка кончалась у озера* – дано объективное положение вещей; *тропинка кончилась у озера* – это взгляд наблюдателя, который только что увидел эту ситуацию. Осмысление и описание таких фактов в области морфологических форм еще в самом начале пути. Естественно, что адекватное объяснение таких фактов возможно только с опорой на лексическую семантику и на совокупность факторов, которые в терминологии А.В. Бондарко получили название «среды» [11, с. 4-13].

С идеей о неразрывной связи «системы и среды» согласуется программа интегрального описания языка, предложенная Ю.Д. Апресяном [12]. Она имеет своей целью согласованность

грамматического и словарного описания. Принцип интегральности описания языка состоит в том, что лексикограф обязан работать на всем пространстве правил, в том числе – грамматических, а грамматист – на всем пространстве лексем. При таком подходе в описании языка не останется лакун: лексемам будут в явном виде приписаны все свойства, релевантные для функционирования грамматических правил, и любая форма поведения лексем, не упомянутая в словаре, будет учитываться правилами.

Совершенно очевидно, что в текстах, особенно в художественном тексте будет представлено бесконечное разнообразие семантических контекстных приращений и трансформаций грамматических категорий. Ю.М. Лотман [13, с. 130] пишет, что текст есть сложное устройство, хранящее многообразные коды, способные трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности.

Единого общепринятого понимания и определения текста не существует, что обусловлено многогранностью и сложностью самого объекта. Тем не менее, как пишет Е.С. Кубрякова, «Отсутствие дефиниции текста не особенно мешало развитию лингвистики и грамматики текста или же проведению лингвистического анализа текстов разного жанра, стиля, типа и разной функциональной предназначенности» [14, с. 74]. Наиболее распространенным в лингвистике является понимание текста как определенным образом упорядоченного множества предложений (причем нижней границей понимается, как правило, предложение, а верхняя граница задается самим автором текста), объединенных единством коммуникативного задания. При таком понимании текст воспринимается как законченный продукт речевой деятельности.

В лингвистике текста последовательно отстаивается идея, согласно которой именно текст является основной единицей коммуникации, поскольку мы говорим не отдельными словами, а текстами. Г.А. Золотова считает главным, что текст – «это прежде всего смысл, кусочек смысла, или кусок, или глыба. Смысл как послание человека человеку, порожденное коммуникативным намерением и потребностью, выраженное языковыми средствами, устно или письменно» [15, с. 102]. Помимо того, что текст представляет собой средство коммуникации, он также выступает как хранитель и передатчик информации, в нем отражается психическая и культурная жизнь индивида – автора текста и социума в целом; текст является формой существования вербальной культуры. В ведение грамматики текста должны попасть все факты, которые нельзя представить как дотекстовые и внеситуативные. Это такие факты, которые получают смысл только на уровне текста.

Литературоведческая и стилистическая реальность специфики художественного текста никем не ставится под сомнение – она ощущается даже рядовыми читателями. Грамматическая же специфика художественного текста (а значит – идиостилия автора) если и не отрицается напрочь, то вызывает большие сомнения.

Грамматика художественного текста неизбежно будет иметь дело с отступлениями от системных правил. Показательно замечание Х. Ортеги-и-Гассета: «Писать хорошо – значит постоянно подтачивать общепринятую грамматику, существующую норму языка. Это акт перманентного мятежа против окружающего общества, подрывная деятельность. Чтобы писать хорошо, требуется определенное бесстрашие» [16, с. 29]. То есть фактически в ведении лингвистики текста оказываются проблемы функциональной и экспрессивной стилистики, а также поэтики, которые благополучно развивались до появления «лингвистики текста». Именно это обстоятельство побуждает А.Т. Кривоносова [17, с. 29] с иронией писать: «В «лингвистике текста» преподносятся как научное откровение некоторые давно известные истины («связность» и «целостность» текста; наличие в текстах «смысла», своего собственного «стиля»). У своего объекта – текста «лингвистика текста» не нашла никаких строго выверенных, последовательно обоснованных, объективно существующих структурно-семантических признаков (она запуталась даже в том, что в языкознании давно известно)». Поэтому, считает А.Т. Кривоносов, лингвистика текста «не может претендовать на научность» [17, с. 30], идеи ее бесплодны, это «несостоявшаяся наука» [17, с. 31].

Возникшая в середине XX в., лингвистика текста, как пишет Т.М. Николаева, «стала понятием диффузным, уже готовым к концептуальному распаду» [18, с. 413]; «устаревающей дисциплиной» считает лингвистику текста и Ю.С. Степанов [19, с. 8]. Тем не менее, чисто количественно лингвистика (грамматика) текста растет и расширяется, о чем можно судить по обилию

работ, посвященных этой проблематике. Полагаем, что многие традиционные вопросы грамматики, рассмотренные «на фоне текста», могут получить новую интерпретацию, поскольку в текстовых условиях возможны такие «приращения смысла», которые никак не могли быть выявлены при изолированном и автономном рассмотрении грамматических категорий.

Современная лингвистика, отказавшись от стратегии «резких разграничительных линий», допускает соприсутствие и координацию разнообразных научных мнений. Такое свойство, нередко именуемое «полипарадигмальностью», продиктовано сложностью, неоднозначностью и полиаспектностью самого объекта лингвистики – естественного языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Langacker R.W.* Nouns and verbs // *Language*. 1987. № 63.
2. *Münch R.* Aneignung des fremdsprachlichen Wortschatzes in der Schule // *Die lebenden Fremdsprachen*. 1950. Н. 11.
3. *Даниленко В.П.* Дисциплинарная структура грамматики // *Филологические науки*. 1992. № 3.
4. *Даниленко В.П.* Еще о грамматическом статусе лексикологии // *Филологические науки*. 2005. № 5.
5. *Бодуэн де Куртене И.А.* Языкознание, или лингвистика XIX века // *Хрестоматия по истории русского языкознания* / сост. Ф.М. Березин. М., 1973.
6. *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.
7. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
8. *Dixon R.M.W.* Basic linguistic theory. Vol. 1. Methodology. Oxford, 2010; Dixon R.M.W. Basic linguistic theory. Vol. 2. Grammatical topics. Oxford, 2010.
9. *Плунгян В.А.* Грамматические категории, их аналоги и заместители: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998.
10. *Velaschio R.* Вид и категория вежливости в славянском императиве: Сравнительный анализ. München, 2010.
11. *Бондарко А.В.* Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // *Текст. Структура и семантика*. М., 2001. Т. 1.
12. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. Т. 2.
13. *Лотман Ю.М.* Семиотика культуры и понятие текста // *Лотман Ю.М. Избранные статьи. Статьи по семиотике и типологии культуры*. Таллинн, 1992. Т. 1.
14. *Кубрякова Е.С.* О тексте и критериях его определения // *Текст. Структура и семантика*, в 2-х т. М., 2001. Т. 1.
15. *Золотова Г.А.* Текст как главный объект лингвистики и обучения языку // *Русское слово в мировой культуре: материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Пленарные заседания: сб. докладов*, в 2 т. СПб., 2003. Т. 1.
16. *Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия? // *Хрестоматия по теории перевода*. Самара, 2005.
17. *Кривоносов А.Т.* «Лингвистика текста» и исследование взаимоотношения языка и мышления // *Вопросы языкознания*. 1986. № 6.
18. *Николаева Т.М.* От звука к тексту. М., 2000.
19. *Степанов Ю.С.* В мире семиотики // *Семиотика. Антология*. М., 2001.